

Л. ЛЮБИМОВ

ДИОНИС
НА ПАНТЕРЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

Л. ЛЮБИМОВ

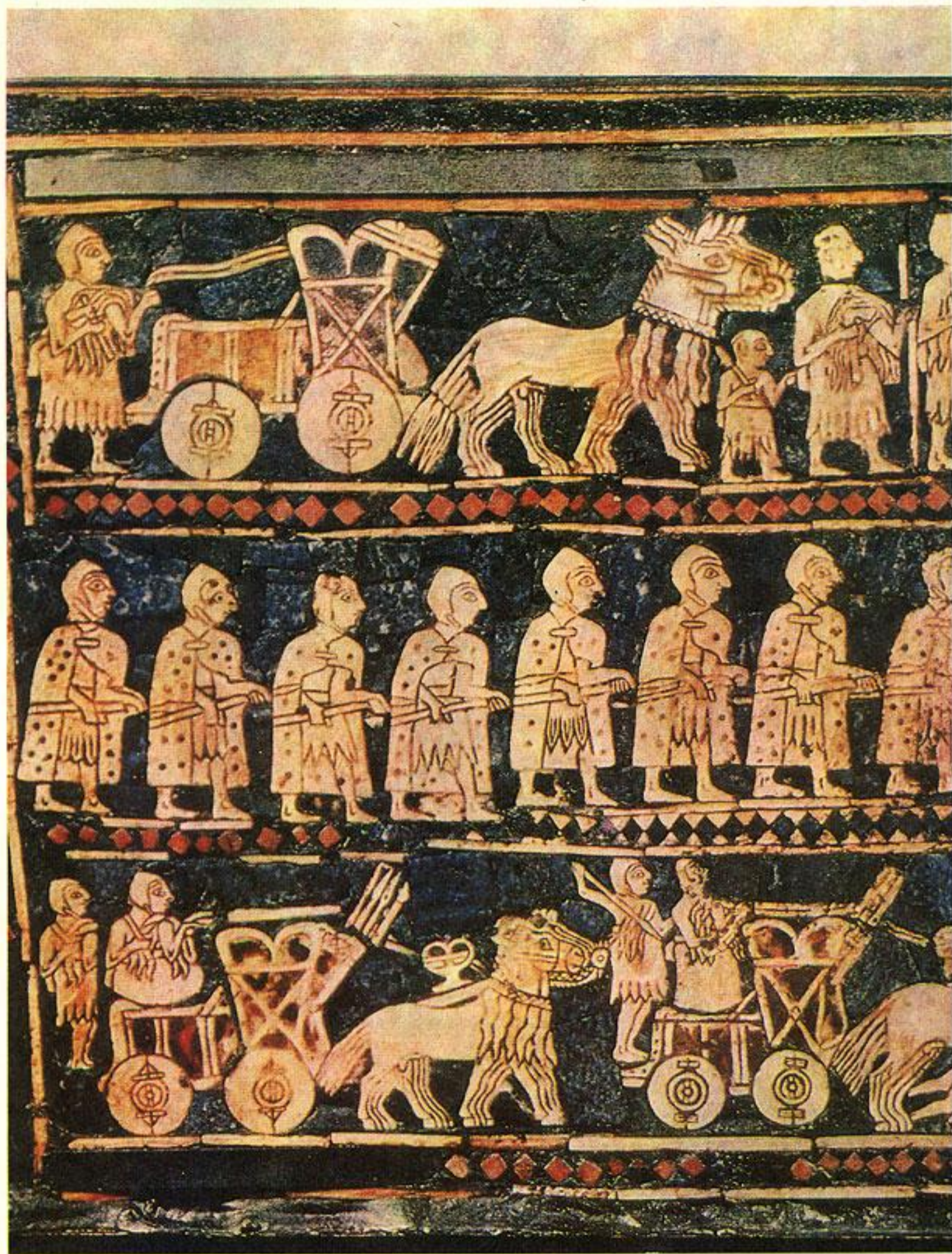

ДИОНИС НА ПАНТЕРЕ

РАССКАЗ
ОБ ИСКУССТВЕ
МОЗАИКИ

МОСКВА
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1982

Начало

Вначале были камни...

Ураганные вихри с размаху обрушивались на разогретые полуденным солнцем скалы.

Скалы давали трещины.

Ливневые дожди вымывали породу.

Крупными и мелкими осколками обваливались скалы на землю, в море, в реки, озера.

Из века в век, из года в год неутомимая вода возвращала их на берег отполированными, гладкими валунами и мелкой галькой.

Человек шел по земле.

Ноги его скользили по горной каменистой тропинке.

Иногда глаза его останавливались на переливающимся радужными цветами осколке кварца или халцедона.

Он поднимал его, подбрасывал на ладони и шел дальше.

Человек шел по берегу моря.

Жаркий полуденный зной утомлял его, а прибрежный песок был успокоительно мягок. Человек присаживался отдохнуть. Легкие волны накатывали на берег и отступали назад, волоча за собою влажно сверкающий слой гальки: круглой, овальной, иногда неправильной формы, но всегда блестящей, отполированной неутомимой водой.

Рука человека невольно захватывала в горсть влажные от воды и гладкие на ощупь камни. Человек перекатывал их из ладони в ладонь, пропуская между пальцами. Выпущенные из руки, они ложились на песок небрежным, порою причудливым узором.

Так на берегу человек забавлялся камешками, иногда ловко бросая их, иногда раскладывая незамысловатым рисунком на песке...

Однажды, собрав гальку, он принес ее в свое скромное жилище с глиняным полом, который в пору дождей неприятно скользил под мокрыми ногами, и выложил по свежеразведенной глине. Стало удобнее.

Камни чуть охладили ступню в жаркую погоду. В дождливую — не давали скользить ноге.

Но стало не только удобнее. Стало красивее.

А быть может, раз увидев это — так уж устроены ум и руки человека, — он стал подбирать камешки все ровнее и все цветистее. И уже не просто

беспорядочно выкладывал ими глинистый пол, но сначала робкими прямыми линиями, а дальше, следуя уже своей фантазии и вкусу, усложнял линии и, ломая их, создавал узор...

Возможно, что в вечном стремлении человека облегчить жизнь, а затем и украсить ее родилось и это новое искусство — мозаика.

Мозаика

В Ленинграде, на набережной Невы, стоит величественное здание.

В вестибюле, скупо обставленном старинной мебелью красного дерева, полутемно. Налево и направо — широкие парадные лестницы. На стене перед лестницей висит огромная картина. Свет из окна падает прямо на нее, освещая центральную фигуру всадника с обнаженной саблей в руке. На круглом лице чернеют маленькие усики. Это царь Петр Первый. Петра окружают его генералы, тоже с обнаженными саблями и взведенными пистолетами. Пестреют знамена. Бомбардиры забивают в пушки снаряды. Вьется дым от разрывов. Рубятся в ожесточенной схватке солдаты.

Это знаменитая мозаичная картина Ломоносова «Полтавская баталия», о которой подробно рассказано в главе «Геройских бодрость лиц...».

В далекие времена

Двуречье. Так назывались земли, лежащие по обеим сторонам рек Тигр и Евфрат.

Давным-давно, примерно шесть тысяч лет тому назад, в Двуречье жил народ — шумеры. До сих пор мы очень мало знаем о нем. А быть может, именно с этого народа и начинается история человеческой культуры.

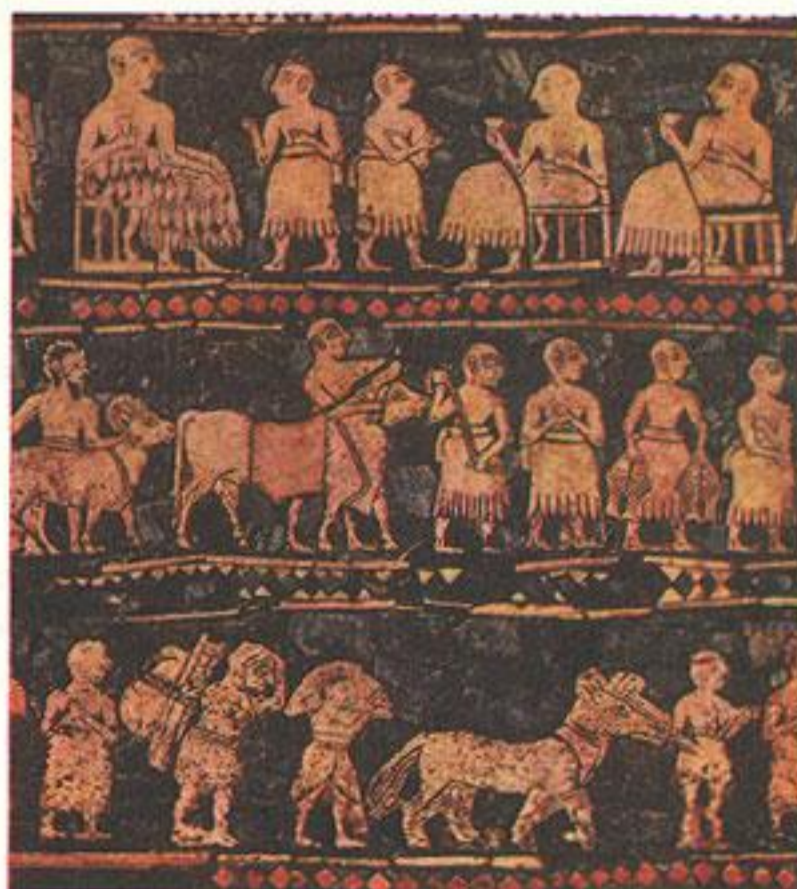
Ведь как будто бы они изобрели первую на земле письменность.

Ведь как будто бы они написали первые исторические повествования, составили первые календари, первые медицинские рецепты, додумались, как защищать поля и посевы от опустошительных вихрей.

Как будто бы они создали первые рыбные заповедники.

И как будто бы именно шумерские звездочеты первые начали вычислять повторяемость солнечных затмений.

Не последнее место у шумеров занимало искусство. В том числе и мозаика. Вот, например, одна из них. Это знаменитый ныне «Урский штандарт». Его нашли при раскопках шумерского города Ур. Отсюда и его название. До сих пор еще не разгадано, что на нем изображено. Поэтому давайте немного пофантазируем.

«Урский штандарт». Мозаика. Фрагмент.

Начнем с верхнего ряда. Вот этот, в юбке с пышной бахромой, по-видимому, самый важный. Скорее всего, царь или полководец. Он и сидящие напротив него держат в руках чаши. Похоже, ведут какой-то приятный разговор. «Важный» чем-то очень доволен. Посмотрите, как он улыбается.

Второй ряд. Гонят куда-то круторогих баранов. Ведут на веревках разукрашенных быков. Несут связки рыбы. Куда они идут? Может быть, приносить жертву богам?

Третий ряд. Бредут какие-то измученные люди. Тащат на своем горбу огромную поклажу. По их лицам струится пот. Видите, как вот этот, с огромным тюком на плечах, вытирает себе лоб. Какое у него изнуренное лицо! Кто они, эти люди? Рабы? Пленники? Скорее всего — пленники. Не потому ли так доволен тот «важный», что одержал победу, забрал в плен множество врагов, богатую добычу?.. Уж не в честь ли этой победы гонят животных к жертвенному алтарю?.. Возможно, что именно это изображено на мозаике. Она очень древняя. Пожалуй, самая древняя из дошедших до нас, ей шесть тысяч лет. Крупные синие камни — куски лазурита, из него сделан весь фон. А фигуры — из мелких ракушек. Люди носатые, головы какие-то большие и совсем без волос. На первый взгляд смешные, скорее — непривычные, но, как я уже говорил, это был замечательный народ.

Опять Двуречье. Но всего середина прошлого века. Там еще пустыня. Пустыня мертва. По ней гуляют свирепые смерчи. С шумом и грохотом несет свои бурные воды река Тигр.

То тут, то там возвышаются растрескавшиеся холмы с плоскими вершинами.

Вот эти-то холмы и не дают покоя археологам. Ведь где-то именно здесь, на берегах Тигра, находилась страна, о которой рассказывают древние летописи. Страна под названием «Ашшур»... иначе — Ассирия.

В осенние дни 1849 года на одном из холмов археологи делают глубокий раскоп, идущий сверху вниз. Лопаты ударяются о каменную преграду. Это слой кирпичей! Остатки какой-то стены!.. Окрыленные находкой, археологи копают все дальше. Вот обнаружен зал... А вот — и дворцовые ворота! Там на страже стоят диковинные каменные фигуры — крылатые быки с человеческими лицами. Затем — длинная вереница покоев...

Так были раскопаны остатки дворца могущественного царя Синахериба, правившего Ассирией в VII веке до нашей эры. Очень много произведений искусства было обнаружено в этом дворце, и среди них — мозаики черных, темно-лиловых и желтых тонов.

...V век до нашей эры.

Персия.

В древней летописи сказано, что персидский царь Артаксеркс, желая похвалиться богатством и величием, устроил семидневный пир в дворцовом саду: «Золотые и серебряные ложа были на помосте, устланном камнями зеленого цвета, и мрамором, и перламутром, и камнями черного цвета».

Это тоже мозаика. Но уже из редких камней — самоцветов. Судя по этому описанию, пол был, вероятно, очень красив.

Что же так прельщало в мозаике восточных владык?

По-видимому, ее прочность и многокрасочность. И вправду, что прочнее пола каменного? К тому же его можно украсить любимым на Востоке пестрым ковровым рисунком. И этот рисунок не сотрется под ногами, не потеряет с годами своих красок.

Улыбающаяся пантера

С Востока мозаика пришла в Грецию, или, как ее раньше называли, Элладу, где родилось величайшее искусство древнего мира. Не так уж много греческих мозаик дошло до наших дней. Но и по тому, что сохранилось, можно судить о великолепии мозаичных ковров, некогда раскинутых по полу греческих храмов и жилищ.

Например, совсем недавно на месте древнего города Пелла обнаружены замечательные мозаики.

Вот бесспорно лучшая из найденных там, сделанная целиком из разноцветной речной гальки. Из камешков. Она называется «Дионис на пантере».

Дионис — это греческий бог. Бог, первым взрастивший виноградную лозу и извлекший из ее плодов пьянящий напиток — вино.

Обратите внимание, в этой картине, которая помещена на обложке, все продумано. Нет ничего лишнего. Все имеет свое значение.

Животное задними лапами отталкивается от земли, готовясь к следующему прыжку. На его спине в небрежной позе раскинулся, словно на ковре-самолете, Дионис. Зверь знает, что несет бога, и бог доверяет ему.

Стремителен бег пантеры: она вся рвется вперед. И этот ее порыв еще более подчеркнут спокойной фигурой Диониса. Мягким поворотом его головы. Красиво развернутыми плечами. Рукой, обнимающей упругую шею зверя, и другой, грациозно держащей легкую трость — жезл, который всегда при нем. А дикий порыв зверя в свою очередь подчеркивает безмятежную красоту бога. Плавная линия светлого тела Диониса пересекает напряженную линию пятнистого звериного тела. Свободно свисают обнаженные ноги Диониса рядом с когтистыми звериными лапами. Развеваются по ветру ленты, украшающие его жезл. Пружинисто, полукругом взвивается хвост пантеры. Какой красивый узор образуют эти ленты и этот хвост!

Неудержимый порыв — и безмятежная красота! И все здесь дополняет друг друга, перекликается.

Греческие художники любовно передавали красоту человека. Но не только человека, а и всего окружающего их мира. Мира южного, радужного.

Багряные закаты. Сверкающая лазурь моря. Сиреневая дымка сумерек. Сочная зелень мирты и маслины. И цветы, цветы, цветы... Взбегает по стволу и по ветвям вьющийся плющ. Переходя с одного дерева на другое, он как бы связывает воедино кроны платанов. Прозрачно-янтарные виноградные грозди укрылись среди тонкой листвы. Вечером, на закате, рыбацкие лодки причаливают к берегу. Из них выгружают корзины, полные еще трепещущей, влажной рыбы. С ветки на ветку перелетают пестрокрылые птицы. Надменный павлин важно шествует по дорожкам сада. Его яркий хвост горделиво распущен веером. Голуби, усевшись на краю белой мраморной вазы, пьют воду и охорашивают себя — чистят перышки.

Разве все это не напрашивается на картину? Например, на картину из цветных камней? Вот так кажется и художнику. Он берет золотистую яшму, разноцветный мрамор, порфир, агат, малахит, опал, лазурит... Теперь ему надо превратить сверкающие осколки в ровные, отшлифованные кусочки точной формы и величины. Он берет резец. Нарезает камни на маленькие пластинки, штифтики и кубики. Обтачивает их. Искусной рукой выравнивает грани. Глядя на набросок задуманной картины, выбирает нужные частицы. Вкладывает их в медленно застывающую специальную пасту.

И вот уже павлин важно шествует по полу, белые голубки на краю чаши с бирюзовой водой оглаживают свои перышки и косящим глазом чуть пугли-

во смотрят на нас. Неувядаем отныне одинокий цветок, опущенный в стройную вазу. Неувядаемы листья, гроздья винограда, цветы, переплетенные в мозаичном орнаменте.

А в Малой Азии, в Пергаме, причудливая мозаика изображала пол, не убраный после пиршества. Остатки роскошных яств в полнейшем беспорядке как бы валялись под ногами. Древний римский писатель Плиний Младший, сам видевший эту мозаику, говорил, что иллюзия создавалась полная. Настолько полная, что дом, где находился этот пол, был назван «Ойкос-Асаротос», что значит «неубранный дом».

У нас в Крыму, в Херсонесе, недалеко от Севастополя, в далекие времена находились греческие поселения. Некогда их было много на Черноморском побережье. В Херсонесе можно увидеть очень интересную мозаику, мозаичный пол небольшой домашней бани. На нем изображены две женские фигуры перед высокой чашей для омовения. Над ними парит голубь с распростертыми крыльями. По краям вьется тонкий узор из цветов... Из цветных камешков, из морской гальки, художник создал очень красивую картину.

«Ликует буйный Рим»

Середина второго века до нашей эры. Все Средиземноморье охвачено пламенем войны.

Это Рим завоевывает чужие земли. Одну за другой одерживает он кровавые победы. В ликующем марше, с возгласами «Виктория!» — «Победа!» по землям Востока и Греции проходят легионы — грозные римские войска. Отныне по воле победителя эти земли превращены в римские провинции.

Римляне беспощадно опустошают завоеванные города. Целые караваны судов увозят драгоценные произведения греческих художников. Среди них и мозаики.

И вот на стенах и полах римских храмов, в театрах и в роскошных жилищах римской знати засверкали грандиозные мозаичные картины.

Новоявленный «владыка мира» в восторге от их многоцветности, пышности и прочности. Рим упивается своим могуществом... «Ликует буйный Рим...»

У подножия вечно дымящейся горы

Две тысячи лет минуло с тех пор, как разыгралась эта трагедия на берегу Неаполитанского залива. Там, у подножия вечно дымящегося вулкана, раскинул свои сады и виллы маленький город Помпеи.

К. Брюллов. Картина «Последний день Помпеи».

Знатные римляне отдыхали здесь от государственных дел и забот.

В тени порфирных бань и мраморных палат
Вельможи римские встречали свой закат...—

так писал Пушкин.

И в летние дни семьдесят девятого года нашей эры жизнь в этом, казалось бы безмятежном, городе шла привычным образом. Правда, изредка чувствовались легкие подземные толчки, но все как-то привыкли к «шуткам» своей горы и не придавали им особого значения.

Двадцать четвертого августа, в середине дня, над Везувием появилось облако, необычное по величине и по виду.

«...Ни одно дерево лучше пинии не передавало его формы. Было оно местами белым, местами в грязных пятнах, словно подняло вместе с собою землю и пепел...» — так в письме к знаменитому римскому историку Тациту говорит об этом облаке Плиний Младший.

Он, тогда еще юноша, в день извержения Везувия находился на Мизенском мысе Неаполитанского залива, что как раз против Помпей.

Страшная катастрофа произвела на него неизгладимое впечатление. Зрелище трясущихся домов в сгустившемся сумраке заставило его бежать с родными в толпе перепуганных жителей.

Земля сотрясалась и как бы отталкивала от себя море. Берег выдвигался вперед. А на той стороне залива в черной грозовой туче вспыхивали и перебегали огненные зигзаги, рассекая ее длинными полосами пламени. Туча опустилась на землю, и наступила страшная темнота.

Рыдания детей и женщин, мольбы и проклятья богам раздавались со всех сторон. Одни в страхе перед смертью возносили моления, другие в ужасе кричали, что богов больше нет и что для мира настала последняя вечная ночь.

На противоположном берегу залива, в самих Помпеях, творилось нечто еще более ужасное. Казалось, что дома, сдвинувшись с места, ходят ходуном. Горячий пепел и раскаленные, растрескавшиеся от пламени камни падали на мятущихся людей.

По Везувию широко разливалось пламя.

Начались огромные пожары.

Огонь и серные пары окутали город. С неба, изрезанного молниями, с шумом обрушился настоящий ливень из камня и пепла. По улицам неслись потоки воды.

Над Неаполитанским заливом царила ночь, чернее и гуще всех грозových ночей.

Лишь через сорок восемь часов на небе вновь засияло солнце.

Глазам еще трепетавших от ужаса людей представилась картина страшного разрушения. Помпеи и соседний с ним город Геркуланум перестали существовать. Волны пепла и грязи затопили Геркуланум и как бы замуровали его.

«В Помпеях все, кто не спаслись бегством, были погребены под развалинами зданий, засыпаны раскаленным пеплом или удушены серными парами», — писал в своих письмах Плиний об этом событии. Страшные находки были сделаны в первые же дни раскопок Помпей и Геркуланума.

...Атлетического сложения юноша в бессильной попытке защитить жену и детей, уже одурманенный ядовитыми парами, сделал последнее усилие, чтобы подняться, да так и застыл, упав на спину. А засыпавший его пепел, слежавшись, снял слепок с его тела.

Люди другой эпохи залили гипсом этот слепок и получили как бы точное скульптурное изображение погибшего.

...Двое рабов, закованных в цепи. Бегство было невозможно для них. Что испытали эти несчастные в страшные часы гибели города?

...Комната, все выходы из которой наглухо засыпаны пеплом. В ней останки женщины и собаки.

К. Брюллов. «Последний день Помпеи». Фрагмент

...Вповалку лежат тела погибших у городских ворот. Эти люди могли бежать... и бежали. Но им не под силу оказался тот скарб, который они пытались спасти. Вот он, этот скарб, причина их гибели, — лежит рядом с ними. Ну, а если бы они бросили его? Если бы бежали налегке? Как знать, удалось бы им пересечь ту черту, за которой их ожидало спасение.

...Участники веселой трапезы, видимо опьяненные и отягощенные обильной пищей, легкомысленно помедлили с бегством. Вот так и пролежали они век за веком вокруг стола с остатками яств, как бы справляя поминки по самим себе...

Вспомните знаменитую картину Брюллова о гибели Помпеи.

Черная как смоль туча. Стрельчатая молния ударяет в статуи на верху здания. Вздрыбились ржущие в страхе кони. В полном смятении мечутся среди вихря и ливня беспомощные фигуры людей. Мать судорожно прижимает к груди ребенка. На руках обезумевшего от горя возлюбленного в беспамятстве лежит девушка, венок из роз обвивает ее голову. Юноши несут на своих плечах больного старика. Он оглушен ударом, его простертая рука как бы окаменела в воздухе. В безнадежной попытке защитить жену и маленьких детей отец прикрывает их плащом от града камней. Земля покрыта телами погибших.

Возрождение из пепла

В Древнем Египте существовала поэтическая легенда о птице Феникс. Раз в пятьсот лет птица эта будто бы прилетала в Египет для того, чтобы быть сожженной на костре среди благовоний в честь бога солнца Ра. Но по преданию, птица Феникс воскресала из пепла на третий день. Воскреснув, она улетала, чтобы затем вновь и вновь возвращаться к священному жертвеннику. Легенда о птице Феникс и по сей день олицетворяет торжество жизни над смертью ... И вот в Помпеях произошло чудо воскрешения из пепла.

В 1748 году у подножия Везувия начались археологические раскопки. Когда остатки погребенных городов, отчищенные от лавы, грязи и пепла, появились на свет, мир ахнул.

Что за чудо свершилось? Источников чистых просили
Мы у тебя, земля. Что же нам шлешь из глубин?
Или есть жизнь под землей? Или живет под лавою тайно
Новое племя? Или нам прошлое возвращено?
Римляне, греки, глядите: открыты снова Помпеи,
Город Геракла¹ воскрес в древней своей красоте.

¹ Город Геракла — Геркуланум.

*«Остерегайся собаки».
Рисунок с мозаики.*

Так великий немецкий поэт Шиллер выразил изумление, охватившее его современников.

Казалось, что будничная жизнь в этих городах замерла только вчера.

Вот открылись идущие в разных направлениях узкие улочки. На них ясно видны колеи от колес. В некоторых местах мостовые перекрыты каменными настилами. Это, конечно, для того, чтобы пешеходам было удобнее пересекать их в непогоду. Они изрядно оббиты копытами лошадей. По бокам улочек стоят подчас превосходно сохранившиеся здания.

Вот это, судя по всему, кабачок. На столах — посуда. Валяются брошенные последними посетителями монеты.

А тут, видимо, была библиотека. На полках лежат свитки с письмами.

В мастерских брошенные впопыхах инструменты.

В печах сохранившихся домов — блюда с так и недожаренными поросятами и хлебы, приготовленные к выпечке.

Из-под земли вырастают, почти не тронутые временем и катастрофой, храмы, амфитеатры, роскошные виллы вельмож. Стены их покрыты превосходной живописью, поражающей яркостью красок!

И почти в каждом доме, в каждом здании — мозаика.

Битва при Иссах

В одном энциклопедическом словаре сказано: «Римляне получили пристрастие к мозаике». Подлинно так.

Если мы мысленно пойдем по улицам Помпей и Геркуланума, то увидим, что очень часто на порогах домов выложены мозаичные коврики. На них черный пес, рвущийся с цепи, припав на передние лапы и оцетинив хвост, злобно скалит пасть. В глазах его ярость. Как самоотверженно защищает он от неведомого злоумышленника добро и жизнь своих хозяев! Кажется, слышишь его угрожающее рычание.

«Саве сапет» — «Остерегайся собаки», — гласит надпись, выложенная черными кубиками.

Но вот мы переступили порог какого-то богатого жилища.

Под ногами у нас расстилается мозаичный ковер. Он разделен на две части. На одной половине — кошка и птицы: птица схвачена ловким животным и беспомощно бьется в его лапах. На другой — пойманные рыбы, большие раковины, сизоперые селезни.

В этом же доме находилась знаменитая ныне на весь мир огромная

«Битва Александра с Дарием при Иссах». Рисунок с мозаики. Фрагмент.

мозаика «Битва Александра с Дарием при Иссах», прославляющая победу, одержанную над персами великим полководцем Александром Македонским. После его походов греческая культура распространилась на весь Древний Восток.

Рассмотрим эту картину.

Могучая фигура Дария с выброшенной вперед рукой, как бы в последней попытке остановить неизбежное. В его глазах бешенство и трагическая напряженность. Мы чувствуем, что как черная туча он грозил нависнуть со всем своим войском над противником. Но случилось иначе.

Между ним и Александром — раненый персидский воин, свалившийся вместе с конем. Это центр картины. Ничто уже не может остановить Александра, который как вихрь несется на Дария.

Александр — полная противоположность варварской силе, олицетворяемой Дарием. Александр — это победа. Он верит, что ведет правый бой. Он спокоен. Юные, исполненные отвагой черты. Он беспощаден в своем торжестве.

Черным частоколом еще вздымаются копья персидских воинов. Но исход боя уже решен. Печальный остов разбитого дерева как бы предвещает этот исход. Свищет плеть разъяренного возничего царской колесницы. Еще мгновение — и Дарий побежит. Бросит весь свой лагерь и огромную добычу. Его мать, жены и дети будут захвачены в плен...

Пафосом боя и пафосом победы дышит картина. Смелые повороты передают объемность фигур воинов и рвущихся во все стороны коней. Светлые блики рождают ощущение пространства, в котором разворачивается перед нами грозная схватка двух миров.

Путешествие продолжается

Заглянем еще в некоторые дома.

В одном из них снова видим «Чашу с голубями». Но какой пышной стала эта чаша в изображении римлян! Исчезла мягкая, поэтическая прелесть знакомых нам голубок. Нет, это уже не голубки, а какие-то царь-птицы, лишь похожие на голубей. Спокойно и величаво расположились они на краю роскошной золотой чаши с изящными изогнутыми ручками. Богатый растительный орнамент, перемежающийся с театральными масками, обрамляет картину.

А вот другая чаша. Скорее, даже глубокое блюдо.

В серебристой воде плавает кленовый лист. По краям сидят ярко расцвеченные попугаи, безмятежно пьющие воду. А невдалеке притаился кот. Кот готов к прыжку, тело его как натянутая пружина. Пропущенный между ла-

пами хвост зримо дрожит от напряжения. Безусловно веришь, что один из попугаев неминуемо сделается жертвой хищного котища. Два пышно распустившихся цветка, брошенные художником в нижнем углу, завершают картину.

Еще одна мозаика. Из углубления ниши приветливо глядит на нас прекрасный юноша. Черные кудри над его почти детским лицом схвачены перевязью. На руках его плотные перчатки, а ноги защищены кожаными наколенниками. Кто он? Конечно же, боец-гладиатор. Он готов к выходу на арену для беспощадного боя с противником. Боя, который должен принести ему или победу, а с ней награды и славу, или гибель. Такие кровавые поединки на глазах у многочисленной толпы были излюбленным зрелищем в Древнем Риме.

Покинем Помпеи и Геркуланум и перенесемся в Рим.

В построенных императором Каракаллой колоссальных общественных банях — их тогда называли термами — на полу мозаичные изображения атлетов-победителей, профессиональных борцов. Один из них держит в руке большую пальмовую ветвь и легким шагом как бы движется на нас. А другой — с собранными в узел на самой макушке волосами, видно, для того чтобы противник не мог ухватиться за них, — замер в напряженной позе.

И еще один атлет. Низкий лоб, широко расставленные глаза, огромный рот, похожий, скорее, на пасть, из которой как будто не может вырваться ни один человеческий звук.

Борец-победитель!

Атлет-победитель. Мозаика из терм императора Каракаллы. Фрагмент.

И хотя мозаики богаты тонкими цветовыми оттенками, не это останавливает прежде всего внимание. Нет! Все самое грубое и беспощадное в Древнем Риме как бы сквозит в глазах этих силачей. Да и само изображение в искусстве уже говорит о поклонении грубой силе.

Но и для грозного, беспощадного Рима наступил конец.

Восстают рабы, измученные непосильным трудом и бесчеловечным обращением, восстают покоренные провинции, борющиеся за свою свободу. На Рим насаждают германцы, которых гордые римляне называли варварами.

Причудливое великолепие

И вот в 395 году нашей эры ослабленная бесконечными войнами Римская империя распалась на Западную, где находился сам Рим, и на Восточную. Столица Восточной империи лежала на берегу Босфорского пролива, на месте древнего греческого поселения Византия. Там был воздвигнут город, названный в честь императора Константина — Константинополем.

В 476 году Западная империя пала под ударами германцев. Восточная империя вошла в историю под названием Византия.

Со всех концов мира свозятся в Византию замечательные произведения искусства. Константинополь украшается великолепными площадями, церквами, величественными дворцами. Их убранство ослепительно: колонны из порфира и разноцветного мрамора, золото, серебро, слоновая кость, драгоценные камни в несчетном количестве. С почтительным удивлением взирают на Византию соседние государства. Слава ее гремит повсюду.

Однажды Константинополь посетил некий знатный чужеземец. Прием, оказанный ему при дворе, произвел на него неизгладимое впечатление. Вот что он рассказывает.

«...Бронзовое, позолоченное дерево стояло перед троном царя, ветки дерева кишели отлитыми из бронзы и позолоченными птицами, каждая из которых пела на свой лад. Трон царя был так устроен, что он мог подниматься и опускаться. Его охраняли необычайной величины львы, бронзовые или деревянные, мне точно неизвестно, но, во всяком случае, позолоченные. Они били о землю хвостом, раскрывали пасть и, двигая языком, громко ревели. Здесь именно я предстал пред очи царя. И когда при моем появлении началось рыкание львов и птицы запели на ветках, я преисполнился страхом и удивлением. Приветствовав затем трехкратным преклонением царя и подняв голову, я узрел его... Восседающим уже в ином одеянии, под самым потолком. И как это произошло, я не мог себе объяснить...»

Среди всей этой причудливой роскоши, с ее хитроумными выдумками, по-новому пышно расцвело искусство мозаики.

Мерцающая живопись

Теперь речь пойдет о мерцающей живописи...

Мерцающая живопись — это опять же мозаика. Византийская мозаика. Но почему ее можно назвать «мерцающей»? Дело в том, что, в отличие от греческих и римских мозаик, ее набирали главным образом из стеклянных сплавов — смальт. Еще при варке их окрашивали в различные цвета. Когда сплав остывал, его кололи на маленькие кубики. Делали и золотые смальты — те же стекляшки, но с золотой прокладкой. На светлую или цветную смальту накладывали тонкую пленку золота, а сверху заливали расплавленным бесцветным стеклом. Стекло просвечивало. Смальты казались золотыми. Придумали также особый способ кладки смальт. Художники зачастую укрепляли их не по плоскости, а под некоторым углом, то есть один конец

*Император Юстиниан и императрица Феодора со свитой.
Мозаики церкви Сан-Витале в Равенне. VI век.*

кубика был выше, а другой ниже. Или один из боков его был приподнят, а другой опущен. Именно это создавало разнообразную игру света. Таким образом с новым материалом зародился и новый художественный прием. Это и дало возможность создать искусство «мерцающей живописи».

Но все-таки почему же она мерцает?

Здесь весь секрет в отражении света на мозаиках. Света солнечного, а по вечерам — от сотен зажженных в храме лампад и свечей. Свет падает на стеклянные кубики. Как бы окунается в разноцветные смальты. И уже отраженным сверкает в храме. И свет перестает быть только светом. Он несет в себе уже нечто таинственное...

В сияющем излучении плывут изображенные на мозаиках фигуры. В струящемся мерцании они как бы сливаются с золотым фоном. Парят в золотом сиянии. Сами как бы становятся светом.

*Церковь Сан-Витале.
Внутренний вид.*

У сонной вечности...

Чтобы получить представление о византийских мозаиках, остановим свой выбор на тех, которые особенно хорошо сохранились в итальянском городе Равенне, когда-то принадлежавшем Византии.

Мысленно совершим прогулку по улицам старинного итальянского города. Они почти пусты. Палящий полдень. Некогда отступившее, но все еще близкое море доносит до нас соленый, влажный аромат своих волн. Запахи незнакомых цветов и зреющих апельсинов льются из садов.

В этом старинном городе несколько скромных по виду церквей. Но, как подчас в незатейливых шкатулках, в них хранятся ослепительные драгоценности.

Вот на нашем пути самая замечательная из равеннских церквей — церковь Сан-Витале (святого Виталия) постройки VI века. Дверь в нее чуть приоткрыта. Отворим пошире эту старинную тяжелую дверь и вместе с солнечными лучами войдем вовнутрь. Войдем... и остановимся в оцепенении.

Льется свет в многочисленные окна, расположенные так, что в любое время дня солнечные лучи проникают сюда. И кажется, что уже не свет, а торжественное песнопение наполняет собою все вокруг. И вдруг, как полногласный аккорд, в апсиде¹, на огромной мозаике, словно видения, возникают человеческие фигуры (рис. на стр. 18—19).

В мерцании света полыхают пурпуром и весенним соцветием их роскошные облачения. Переливаются жемчужным блеском их венцы, усыпанные драгоценными камнями. Повернувшись к нам, они как бы остановились в торжественном шествии да так и застыли в своей сверкающей золотой оправе. В широко раскрытых глазах отсвет каких-то неразгаданных далей, затаенных душевных глубин. Как выразительны прямо на нас обращенные лица.

Но проходит магия первого впечатления, и вот уже ясно: это не видения. Мозаика изображает царскую чету, Юстиниана и Феодору, в окружении придворных. Они приносят дары этой тогда только что воздвигнутой церкви — Сан-Витале.

Много веков отделяет нас от времени царствования Юстиниана. Чужда для нас и былая торжественность самого события. Но до сих пор тысячи людей, приходящих сюда, как и мы, останавливаются перед этой мозаикой, потрясенные ее красотой...

Мы еще долго любимся ею, а выйдя из храма, бредем уже в полном молчании по жарким улицам сонной Равенны.

«Нерушимая стена»

Из Византии искусство мозаики перешло в другие страны.

Перешло и в Киевскую Русь.

И вот по стенам русских храмов заскользили в плывущем шаге бесконечные вереницы святых... Лица их темны и суровы, но ярко пламенеют одежды на сверкающем золотом фоне...

В киевском Софийском соборе мерцают со стен мозаики, исполненные в XI веке. То, что видишь в этом древнем русском храме, действительно грандиозно. Целая галерея величественных мозаичных картин...

В апсиде собора с воздетыми к небу руками парит женская фигура. Это богоматерь Оранта — молящаяся. В своем лилово-синем облачении она словно выплывает из золотого сияния. Широко раскрытые глаза смотрят прямо на нас. Под лучами света сверкает и пламенеет каждый кубик смальты. Огромная богоматерь Оранта здесь как страж, как защитница, охраня-

¹ А п с и д а — в средневековой церкви полукруглый выступ.

Богоматерь Оранта. Мозаика Софийского собора в Киеве. XI век.

тельница от всех врагов, от всех бед... Вот почему в давние времена народ назвал ее «Нерушимой стеной».

Что же надлежало ей охранять?

Охранять красоту, ее окружающую, ибо убранство храма вызывало восхищение и у русских людей, и у чужеземцев. Охранять и сам этот храм, величественно возвышающийся со своими тринадцатью куполами в центре города... Таких многоглавых храмов не было ни в Византии, ни в Западной Европе. Охранять город Киев — «матерь городов русских», столицу юного, но уже могучего Киевского государства. Охранять все, о чем говорит древнее русское сказание, которое передаю современным языком:

«О светло светлая и красно украшенная земля Русская! Ты многими кра-

*Приглашение апостолов.
Мозаика Михайловского
монастыря в Киеве. Конец
XI — начало XII вв.
Фрагмент.*

сотаи дивно изукрашена: ты замечательна многими озерами, реками... крутыми горами, высокими холмами, чистыми дубравами, прекрасными полями, различными зверями, бесчисленными птицами, великими городами, прекрасными селениями...»

Да, в представлении русского народа сияющее в храме изображение богоматери должно было охранять все это.

В музее Софийского собора хранятся мозаики, украшавшие апсиду Михайловского монастыря в Киеве. От их золотого сияния дух захватывает.

В Киевской Руси было очень много церквей и монастырей, и все они были

украшены мозаикой. Это было влияние Византии. А византийцы были нашими соседями, и поэтому их мастера ездили в Киев, а наши учились у них. И выучились очень хорошо. И очень красиво стали работать. Но вот в XII веке произошло раздробление Руси. И к сожалению, мозаике в России пришел конец.

Дело в том, что образовавшиеся в результате раздробления Руси маленькие удельные княжества были бедными, и они не имели средств, чтобы оплачивать такое дорогостоящее и трудоемкое искусство, как мозаика. Дешевле было расписывать стены просто красками. И эти картины стали называться фресками...

А мозаика, точно сказочная спящая царевна, заснула у нас на многие столетия — на шестьсот с лишним лет!..

И вот через шестьсот лет пришел царевич, прекрасный, молодой, пришел и разбудил спящую царевну.

Перед портретом Ломоносова

Вельможного вида мужчина. В тонких пальцах — гусиное перо. Глаза, устремленные ввысь, как бы ищут наиболее точного выражения недосказанной мысли. Великолепен шелковый, красный с синими отворотами, шитый золотом камзол. Короткие панталоны перехвачены над коленом белым бантом. Туго обтягивают ноги шелковые чулки. Левая рука придерживает лежащий на столе лист бумаги. Завитый по моде того времени белый парик венчает крупную голову. Это Михаил Васильевич Ломоносов.

На картине за приподнятой над окном занавесью — пейзаж: поля и холмы, сельская хижина с мирно дымящейся трубой. У окна — стол. На столе — циркуль, треугольник, линейка, глобус. У стола — на низенькой скамеечке открытый ящик с многими отделениями. В них разноцветные стекла — смальты.

Вот из-за смальт-то я и выбрал именно этот портрет Ломоносова, хотя имеются и лучшие.

Этот же, работы неизвестного русского художника, несколько наивен. Расставленные вокруг Ломоносова предметы должны отобразить всю его многообразную деятельность.

Внизу, под портретом, знаменитые слова Пушкина:

«...Ломоносов обнял все отрасли просвещения. Жажда науки была сильнейшею страстию сей души, исполненной страстей. Историк, ритор, механик, химик, минералог, художник и стихотворец, он все испытал и все проник...»

Однажды в морозный декабрьский день девятнадцатилетний юноша

М. В. Ломоносов. Мозаика неизвестного художника. Середина XVIII в. Фрагмент.

Ломоносов уложил в котомку свои несложные пожитки и ушел из родной деревни. Пешком. В Москву. Учиться.

Россия, мужавшая с гением Петра, вступала в гордое соревнование с самыми могущественными государствами старой Европы. В соревнование в военной мощи, в коммерции, в искусствах.

На удивление западным странам, еще недавно называвшим свою соседку «дикой Московией», молодая держава обратила в бегство армию шведского короля, самую лучшую в тогдашней Европе.

Утвердив в Полтавской битве свое могущество, юное государство с жаром пожелало овладеть всем, что ему недоставало.

Недоставало знаний в науках и технике.

Петр бросает вызов своей стране. И в первые же десятилетия Россия

ответила на этот вызов Ломоносовым. Из глубоких недр, из самой гущи простого народа вышел человек, которому оказалось под силу все объять и во всем преуспеть. Человек, по всеобъемлемости своего гения достойный встать в ряд с титанами самых великих эпох в истории мировой культуры...

Но когда в середине января 1731 года новый ученик переступил порог Славяно-греко-латинской академии, никто еще не мог догадываться об этом.

На этом портрете Ломоносов изображен уже в зените своей славы.

«Великий человек!»

«Звезда первой величины!»

«Славный гражданин!»

Так отзываются о нем соотечественники.

Вторят им в тон просвещенные иноземцы.

Он знаменит. Он принят при дворе.

Царица Елизавета благоволит ему.

Граф Иван Шувалов, всеильный временщик, любимец императрицы, дарит его своей дружбой. Справедливости ради стоит сказать, что Шувалов, не в пример многим вельможам, близко стоящим к трону, был человеком просвещенным. В Ломоносове он видел славу и гордость отчизны. Шувалов дорожил дружбой с Ломоносовым. Для Ломоносова дружба с этим вельможей была не только лестной, но и полезной. Много планов, много начинаний было проведено и осуществлено им при поддержке Шувалова.

Пробуждение спящей царевны

Как-то Ломоносову показали небольшую, привезенную из Рима мозаичную картину. Покоренный чистотой и яркостью смальты, Ломоносов со свойственной ему страстностью возмечтал создать собственную русскую фабрику цветного стекла. Шувалов взялся помогать ему в этом. Проект создания такой фабрики встретил упорное сопротивление многочисленных врагов и завистников. Настолько упорное, что даже всеильный вельможа советовал Ломоносову отступить, дабы не нажить себе крупных неприятностей.

И если бы не воля, если бы не «благородная упряжка» Ломоносова, так и пролежать бы проекту на канцелярских полках.

Ломоносов спорил. Ломоносов уговаривал...

Посудите сами: изящные тонкостенные вазочки, флаконы, графины, рюмки цветного венецианского стекла во множестве ввозятся из заморских стран для украшения бесчисленных залов дворцов и дворянских усадеб!

День и ночь крепостные девушки сидят в людской, вышивая тончайшие бисерные узоры на футлярах трубочных чубуков. Сплошь бисером расшиты

барские кисеты для табака. А бисером вышитые картины, что нынче так в моде! В чехольчиках, покрытых бисерной вышивкой, красуются на туалетных столах коробочки, стаканчики и флаконы.

А модницы! Разве не любят они украшать стеклярусной вышивкой свои наряды!

И караваны — да, целые караваны бисера, стеклянной посуды, пронизок, стекляруса везут к нам заморские купцы. Бешеных денег стоят России эти стекла.

Но Россия должна делать их сама, раз того требует спрос. И Россия может делать сама!

«Дайте мне денег! Дайте мне землю! На этой земле я поставлю фабрику. В своей лаборатории я изготовлю пробы цветного стекла. И оно не будет хуже иноземного».

Ломоносов убеждал...

И наконец, смальты... Вот уже сотни лет, как Россия утратила секрет их изготовления. Совсем забыта мозаичная живопись. А ведь она прямо призвана служить для убранства «огромных публичных строений».

...И он опять уговаривал.

Даже в стихах:

Искусство, коим был прославлен Апеллес¹
И коим ныне Рим главу свою вознес,
Коль пользы от стекла приобрели велики,
Доказывают то финифти, мозаики,
Которых век хранят геройских бодрость лиц,
Приятность нежную и красоту девиц,
Чрез множество веков себе подобны зрятся
И ветхой древности грызенья не боятся.

Он требовал...

«Дайте мне учеников. Я создам собственную мозаичную школу, и уже в скором времени вы сможете повесить на стены гостиных мозаичные портреты своих жен и детей! Свои собственные портреты!»

Пусть и не такими словами, но именно это доказывал он.

Он говорил о прочности смальты. О богатстве ее красок.

Две тысячи сто восемьдесят четыре опыта поставил он в своей лаборатории в поисках состава и цвета смальт.

И вот они уже во всей своей прочности и красочности лежат на столе его мастерской...

В нем властно заговорил художник.

¹ А п е л л е с — знаменитый греческий живописец IV века до н. э.

П. И. Шувалов. Мозаика ломоносовской мастерской. 1758 г.

Он уже видел созданные на этой фабрике грандиозные картины, выложенные немеркнущей смальтой.

Он создаст достойный, величественный памятник обожаемому им царю Петру.

По его замыслу картины из пестрых, сверкающих смальт должны украсить мавзолей, где будет покоиться прах Петра. Картины эти должны прославить в веках все его самые важные государственные дела и ратные подвиги.

В соборе Петропавловской крепости в усыпальнице стояли гробницы царей. В 1756 году собор сгорел. В апрельскую ночь молния ударила в его колокольню. Пылающий шпиль упал на крышу. Огонь ворвался внутрь и все опустошил. Вот тогда — точно сказать трудно, у кого, у Ломоносова или у Шувалова, — возникла мысль создать на этом месте мавзолей Петра. Был объявлен конкурс. Ломоносов представил свой проект. Этот проект был

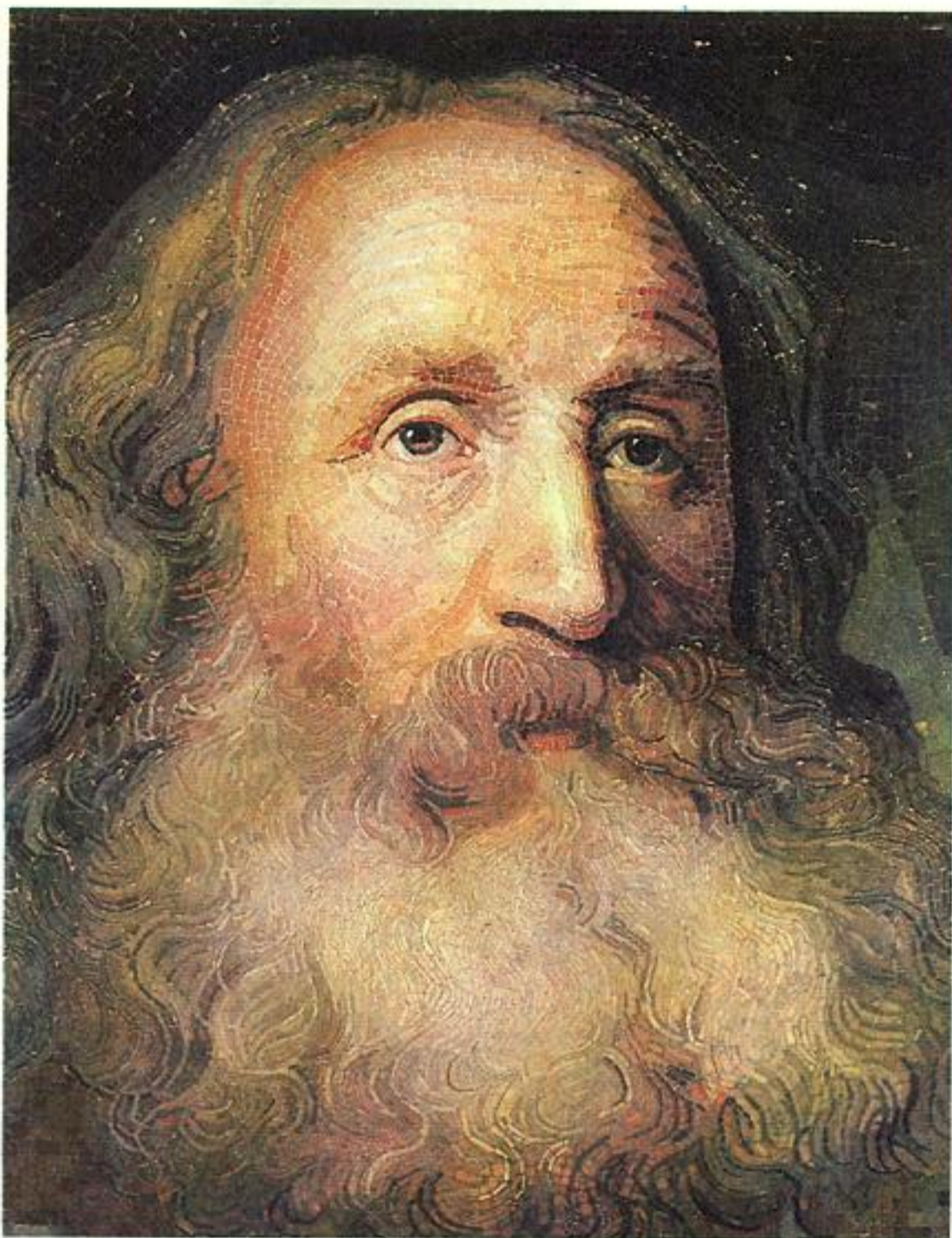
Александр Невский. Мозаика ломоносовской мастерской. 1758 г.

настолько необычен, что поначалу поражал и, видимо, даже пугал своей грандиозностью.

Вот что им было задумано.

В центре мавзолея на мраморном постаменте стоят гробницы Петра и его жены Екатерины Первой. Гробницы покрыты зеленой мозаикой. Над ними пышный балдахин. Восемь мозаичных лазурных колонн на порфирных пьедесталах поддерживают его. Стены собора до самых сводов покрыты сверкающими мозаичными картинами. Их должно было быть восемь. И каждая из них прославляла бы важнейшие деяния Петра и его соратников, «героев, греческим и римским подобных», как писал Ломоносов.

Он считал, что Россия недостаточно любовно и бережно чтит их память. Горячая любовь к родине воодушевляла его, когда он составлял свой проект.

*Голова старика. Мозаика
Матвея Васильева.
1768 г.*

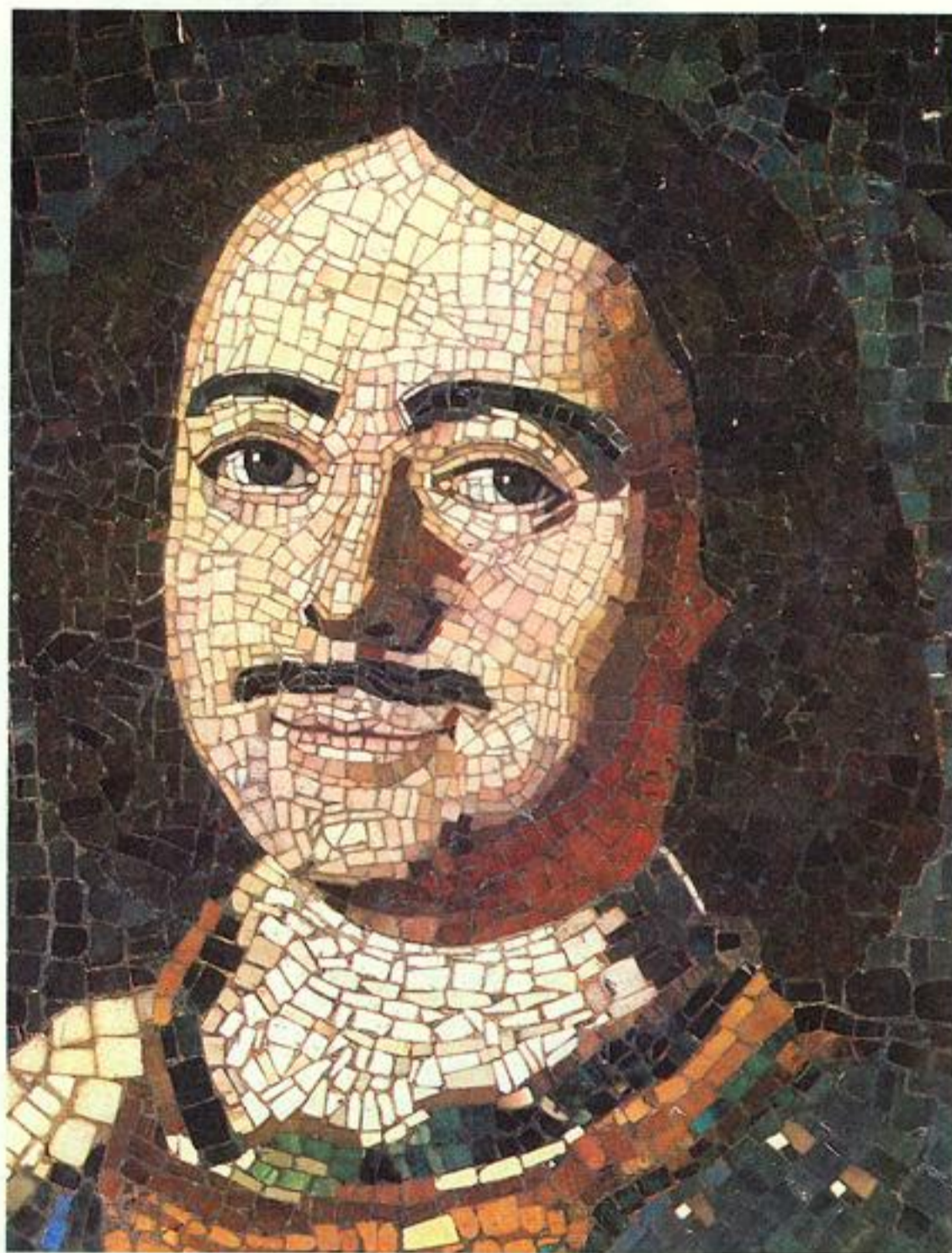
Замысел его так и не был осуществлен.

Вместо мавзолея, задуманного Ломоносовым, был воздвигнут памятник во славу Петра — знаменитый «Медный всадник»...

Ломоносов получает землю для фабрики. С трудом, но получает. Получает денежную ссуду. Получает людей для обучения мозаичному делу. И собственными силами в поселке Усть-Рудица приступает к строительству фабрики цветного стекла.

Через год фабрика пущена в ход.

Через год же выпускаются первая стеклянная посуда, первые смальты, бисер, стеклярус.

*Петр I. Мозаика
М. В. Ломоносова. 1754 г.
Фрагмент.*

И уже в тот же год он преподносит родственнице Шувалова маленькую мозаичную икону, сделанную им собственноручно.

Еще через год он создает великолепный парадный портрет Петра в панцире и горностаевой мантии.

Многое делали из мозаики. Очень многое. Облицовывали мозаичным орнаментом стены и полы в роскошных залах дворца Меншикова. Выложили мозаикой знаменитые в свое время полы в Стеклярусном кабинете Китайского дворца в Ораниенбауме. Они не сохранились. Сейчас уже только по преданиям известно об их великолепии. Впоследствии эти полы заменили паркетом. Правда он полностью повторяет богатый мозаичный орнамент.

М. И. Воронцов. Мозаика ломоносовской мастерской. 1765 г.

Еще делали мозаичные столешницы для подзеркальников. Мозаичные картины. Вот, например, когда в 1754 году дошла весть о новом страшном извержении вулкана Везувий, ломоносовская мастерская сейчас же откликнулась на это событие. Был создан мозаичный пейзаж «Огнедышащая гора».

Делали доски для столов, сплошь покрытые мозаичными рисунками. Делали в изобилии обещанные Ломоносовым бисер и стеклярус. Дела на фабрике в этот период шли блестяще. Заказы сыпались со всех сторон...

После болезни и смерти Ломоносова фабрика в Усть-Рудице перестала существовать. Но раз созданное, никогда окончательно не пропадает. Так

*Петр I. Мозаика
М. В. Ломоносова.
1754 г.*

и Усть-Рудицкая фабрика тоже не исчезла совсем. Она послужила прообразом для современного стекольного завода и в нем как бы возродилась вновь. А лучшие мозаики Ломоносова хранятся в Русском музее и в Эрмитаже.

В Русском музее

В Русском музее висят портреты двух величественных женщин — Елизаветы Петровны, дочери Петра Первого, и Екатерины Второй.

Фигуры, изображенные по пояс, как бы выступают навстречу нам из

золоченых рам. На табличке надпись: «Работы мастерской Ломоносова». Это значит, что Ломоносов хоть и не сам набирал эти мозаики, но делались они под его непосредственным руководством его помощниками. Эти помощники со временем тоже стали превосходными художниками. Сам Ломоносов назвал своих первых учеников Матвея Васильева и Ефима Мельникова «мастерами мозаичного набора».

Обращает на себя внимание изумительно тонкий подбор цветов и общий тон портретов. Серо-жемчужный фон... Кораллового цвета платья, затканые золотыми лилиями. Тончайшее переплетение кружев... Теплый оттенок лица и рук настолько живой, будто и впрямь горячая кровь струится под кожей.

А вот рядом голова старика... Это уже самостоятельная работа Матвея Васильева. Как прекрасно переданы дряблость старческой кожи, вьющаяся седая борода... (Рис. на стр. 30.)

Очень, очень близко надо рассматривать портрет, чтобы различить швы, соединяющие малюсенькие кусочки смальты.

А если отойти на несколько шагов, кажется — это уже не мозаика, а изящная миниатюра, исполненная тончайшей кистью.

Но сам Ломоносов все же предпочитал иной мозаичный набор. Крупные, неровно колотые куски смальты были ему больше по душе. Однако мода на миниатюрную живопись, родившаяся в западных странах, пришлась по вкусу его заказчикам. И они требовали, чтобы их портреты были сделаны именно так.

И еще один маленький мозаичный портрет.

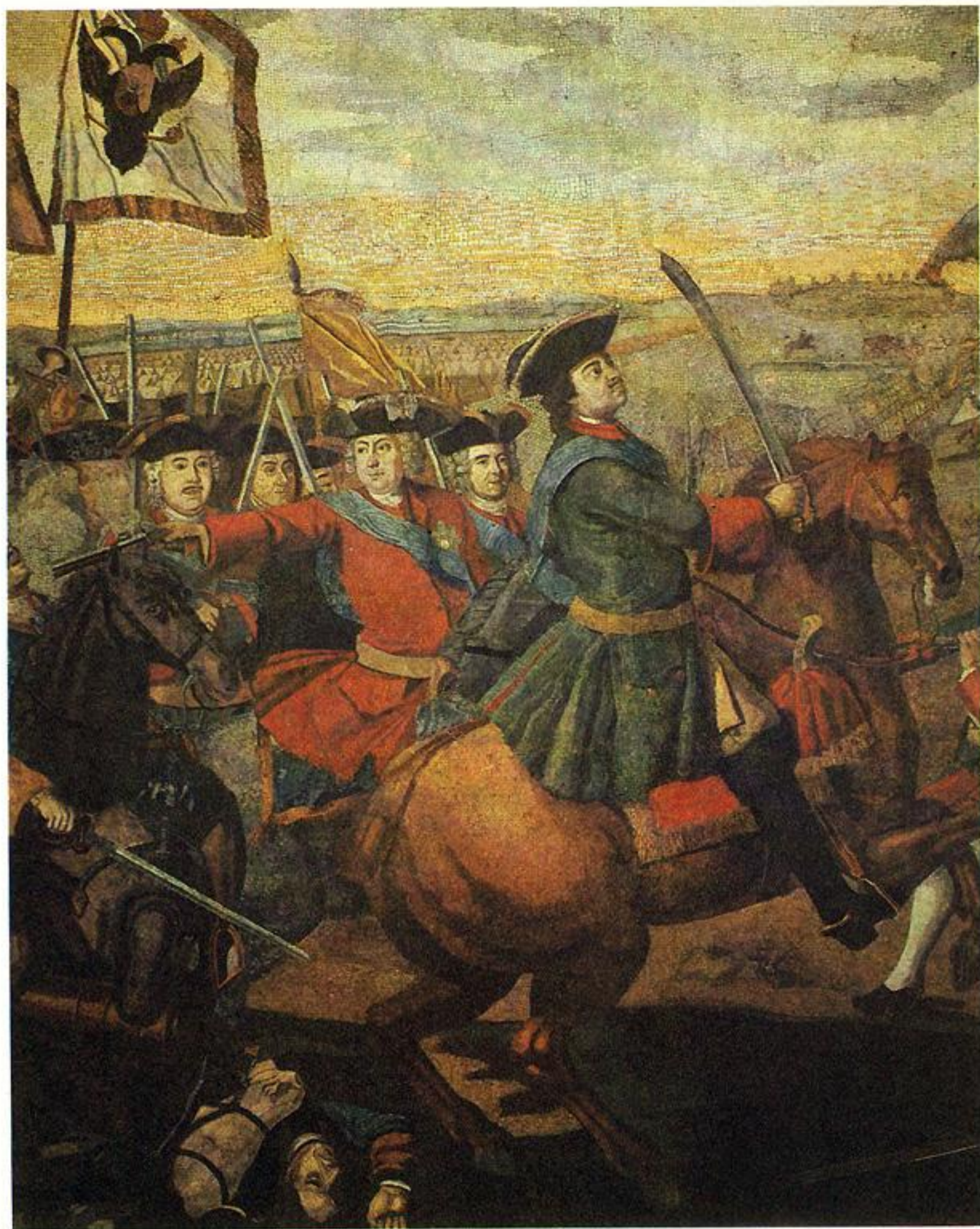
Крохотная голова в пудренном с буклями парике поставлена на узкие плечи. Безмятежно улыбающееся лицо. Бесцветные и холодные глаза. Надменно вздернут курносый нос в напрасном усилии придать лицу величавость. А величавость ведь так необходима! Человек этот сам император, самодержец всероссийский Петр Третий.

В кирасе и горностаевой мантии

В Эрмитаже висит портрет Петра Первого собственноручной работы Ломоносова (рис. на стр. 33).

На темном фоне — прекрасный молодой воин. Подбоченясь, он локтем слегка откинул горностаевую мантию. Сверкающие серебром латы покрывают его грудь. Голубая муаровая лента надета через плечо.

Свободно и мастерски, как бы широкими мазками положены крупные куски колотой смальты. Холодно поблескивают зеленые, лазурные и сизые тона в одежде Петра. Теплыми, розовато-палевыми оттенками отливают

«Полтавская баталия». Мозаика М. В. Ломоносова. Фрагмент.

краски лица. Лицо это удивительно! Удивительно переменчивостью выражения. На губах блуждает легкая и так много говорящая улыбка. Карие глаза смотрят твердо, всепроникающе. Перед нами грозный, все разящий на своем пути полководец. Но вот чуть повернешь голову — и вдруг видишь: где-то в глубине глаз загорается веселый, озорной огонек, и все лицо вдруг вспыхивает юной шаловливостью. Сделаешь шаг в сторону — и вот уже мудрый правитель, снисходительно смотрящий на мелкие людские слабости. Но твердость взора в то же время говорит: знайте меру им, этим слабостям, не переступайте дозволенных границ. Я могу быть и беспощадным.

Я никогда не перестаю удивляться этим превращениям... В чем их секрет? То ли это маленькие кусочки светлой смальты так искусно вкраплены в зрачок глаза? То ли смальты, скрепленные густой сеткой швов, так преломляют лучи света? То ли гений Петра, любовно постигнутый Ломоносовым, безошибочно водил руку художника, одухотворяя эти холодно поблескивающие стекла?..

«Геройских бодрость лиц...»

Ломоносов в своей мастерской успел закончить для мавзолея первую мозаичную картину «Полтавская баталия».

...Мчится по полю рыжий конь Петра. Плещутся по ветру знамена... Стремительно движутся на врага сомкнутые ряды солдат. Грохочут пушки. Ядра с шипением взрывают землю.

Ожесточенные крики шведов и русских. Стонут раненые. Зловеще полыхают отсветы пожаров в горящей Полтаве... Но проходит минутное превращение, рожденное внезапно вспыхнувшим светом, и все на картине навечно застывает, схваченное в момент самого стремительного порыва. Теперь можно рассматривать уже отдельные детали: Петр, его генералы, а над ними знамена полков... Шереметев стреляет в шведа. Он собирался заколоть Петра — видишь, шпага уже выпала из его рук. В середине солдат загородил дорогу Петру. Он не хочет, чтобы Петр мчался, как он думает, на верную гибель. Вот он и загородил его собой. Образ этого солдата наивно трогателен. Возник он из самой глубины народных сказаний — в народных картинах, в так называемых лубках, славящих Петра и героев Полтавской битвы. И вот таким Ломоносов впервые ввел его в монументальное искусство...

Сам Петр и его приближенные в этой яростной схватке удивительно спокойны, даже торжественны! Это тоже идет от народного представления об их ратных подвигах.

Разделим условно картину на две части. Правая ее сторона — это ад крошечный!.. Все как бы смешалось в кашу.

«Полтавская баталия». Мозаика.

Толпы русских и шведов бьют, колют, рубят сплеча... В глубине картины, в самой гуще этой свалки, — маленькая коляска, она обведена ярко-желтым контуром... В ней крохотная фигурка. Это знаменитый полководец — шведский король Карл. Он ранен. Но в азарте боя он выбросил вперед руку и как бы отдает приказание: «В атаку!» Правда, его уже не слушают. Офицеры силой поворачивают коляску. Надо спасти честь армии!.. Надо избежать постыдного плена! «Бегите, пока не поздно, ваше величество, иначе плен и позор на вашу голову» — так, наверное, говорят они ему.

А теперь посмотрим левую часть картины.

На заднем плане — стройные ряды палаток нашего лагеря. Врага к ним не подпустили. А на переднем, в группе Петра и его генералов, царит уверенность в победе. Похоже на мозаику «Битва Александра Македонского с Дарием». Там правда на стороне Александра, а здесь правда на стороне Петра.

Ломоносову принадлежит весь замысел мозаики. Но над мозаикой трудилась, как теперь говорится, целая бригада. В ней, в этой бригаде, работали

«главные мастера мозаичного дела» — Матвей Васильев и Ефим Мельников. Они выполнили самые важные части картины — портретные головы. С ними же трудились и их ученики — Максим Шоткин, Яков Шалауров, Михаил Мешков, Филипп Нестеров, Семен Романов и другие крестьяне, обученные на фабрике в Усть-Рудице. Сам же Ломоносов руководил всеми работами...

В мавзолее должны были быть и другие мозаики, кроме «Полтавской баталии».

Приступили было к работе еще над одной, сделали небольшой кусок, а закончить мозаику при жизни Ломоносова так и не успели. Это была бы картина «Взятие Азова». На ней Петр — верхом, окруженный соратниками в ярких старинных русских одеждах. Он властным жестом приказывает отогнать наступающего с тыла неприятеля... По всей вероятности, это была бы тоже замечательная картина.

После кончины Ломоносова начался полный развал мозаичного дела. Закрывается фабрика в Усть-Рудице. Мастера слоняются без работы. А после их смерти не остается даже учеников. Дальше постепенно забывается и сам способ изготовления смальты...

С годами в России совсем исчезло искусство мозаики, некогда возрожденное Ломоносовым. Заглохли и многие другие его начинания. Глубокой горечью звучат предсмертные слова Ломоносова: «Сожалею о том, что не успел совершить для пользы наук, для славы отечества и Академии. К сожалению, вижу, что благие мои намерения исчезнут вместе со мной».

Оглавление

Начало	3
Мозаика	4
В далекие времена	—
Улыбающаяся пантера	6
«Ликует буйный Рим»	8
У подножия вечно дымящейся горы	—
Возрождение из пепла	12
Битва при Иссах	14
Путешествие продолжается	15
Причудливое великолепие	17
Мерцающая живопись	18
У сонной вечности	20
«Нерушимая стена»	21
Перед портретом Ломоносова	24
Пробуждение спящей царевны	26
В Русском музее	33
В кирасе и горностаевой мантии	34
«Геройских бодрость лиц...»	36

На обложке:

«Дионис на пантере». Мозаика. Фрагмент.

На обороте титула:

«Урский штандарт». Мозаика. Фрагмент.

ОФОРМЛЕНИЕ В. УВАРОВОЙ

К ЧИТАТЕЛЯМ

Издательство просит отзывы об этой книге присылать по адресу: 125047, Москва, ул. Горького, 43. Дом детской книги.

Для младшего возраста

Лев Дмитриевич Любимов

ДИОНИС НА ПАНТЕРЕ

ИБ № 6171

Ответственный редактор
М. И. Сальникова

Художественный редактор
Л. Д. Вирюков

Технический редактор
Л. В. Гришина

Корректоры

В. В. Борисова и Э. Л. Лоффенфельд
Сдано в набор. 24.03.82. Подписано к печати
10.09.82. Формат 60×90¹/₈. Бум. офс. № 1.
Шрифт школьный. Печать офсетная. Усл. печ.
л. 5. Усл. кр.-отт. 21. Уч.-изд. л. 2,83. Тираж
100 000 экз. Заказ № 650. Цена 25 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1.

Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Росглаволиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. Москва, Сущевский вал, 49.

Любимов Л. Д.

Л93 Дионис на пантере: Рассказ/Оформление
В. Уваровой.— М.: Дет. лит., 1982.— 40 с., ил.

25 к.

Рассказ об искусстве мозаики.

Л 4802000000—465 441—82
М101(03)82

ББК 85.144
751

